

УДК 82.0(091)

АМИРХАН ЕНИКИ

Л. Хамидуллин

Народный писатель Республики Татарстан (1989), лауреат Государственной премии им. Габдуллы Тукая (1984) Амирхан Еники был одним из самых почитаемых народом мастеров художественного слова. Современниками он признан крупным мастером лирико-реалистической прозы.

В большую литературу Амирхан ага вошел своими мастерски выполненными рассказами и повестями, повествующими о простых людях и, казалось бы, простых событиях, происходящих в их жизни. Но каждый герой его произведений предстает перед читателем с присущими ему чертами характера, со своей душевной красотой. Уже в первых же произведениях, например в рассказах, написанных в годы войны, в боевых условиях «Ана һәм кыз» («Мать и девочка», 1942), «Мәк чэчэгә» («Маковый цветок», 1944), «Бер генә сэгатькә» («Только на час», 1944) или созданных после войны, в первые мирные годы – «Тауларга карап» («Глядя на горы», 1948), «Кем жырлады» («Песня любви», 1956), «Туган туфрак» («Родная сто-

рона», 1957), Амирхан Еники повествует о добрых деяниях своих героев, об их лучших чувствах по отношению к окружающим их людям. Читатель же невольно любуется ими, внимательно следит за их действиями, стремясь подражать этим героям в своей жизни.

Разумеется, на страницах произведений А.Еники живут не исключительно положительные герои.

Амирхан Еники известен прежде всего как талантливый исследователь сложных человеческих чувств и внутреннего мира героев своих произведений. Занимали Амирхана ага не только простые люди, но и великие его современники. Например, жизнь и творчество композитора Салиха Сайдашева, известных артистов Нагимы Таждаровой, Шакира Шамильского. Им посвящены его отдельные произведения. Роман «Гуляндам» отражает события периода Гражданской войны и начала двадцатых годов, и юношеские увлечения С.Сайдашева.

А начинал он свое творчество как новеллист в сложные двадцатые годы, когда ему не было еще и двадцати лет.

Амирхан Нигметзянович Еников родился 16 февраля (по старому стилю) 1909 г. в большом селе Новая Каргала Белебеевского уезда Уфимской губернии. Через два года семья их переехала в поселок железнодорожной станции Давлеканово. Отец его Нигметзян в то время был занят

торговыми делами и часто разъезжал по окрестным селам и городам. Давлеканово стало второй, но самой любимой родиной писателя... В начале XX века Белебеевский уезд считался крупной житницей Уфимской губернии. В Давлеканово работало тогда 7–8 больших паровых мельниц.

А Новую Каргалу в конце XVIII века обосновали прапрадеды Амирхана Еники – мурзы Еникиевы и их ближайшие сородичи мурзы Терегуловы, а также люди, переехавшие с ними вместе из Темниковского уезда Тамбовской губернии. В обыденном общении это село иногда называли Мурзинскими Каргалами (Мор-залар Каргалысы). А в литературе и письменных источниках чаще употребляется название «Белебеевская Каргала», чтобы отличить это село от знаменитой своими медресе «Оренбургской Каргалы», находившейся в восемнадцати километрах западнее г.Оренбурга.

Откуда и зачем переселились на степные просторы у реки Демы эти мурзы, чаще именуемые в народе «татарскими дворянами в лаптях» («чабатылы морзалар»)? В XVIII веке шло срочное освоение земель, еще раньше отвоеванных Россией у Ногайской Орды на востоке, за Волгой. В 1734г., в царствование Анны Ивановны, была образована новая Оренбургская губерния. Срочно стали строить ее будущую столицу. Сначала она была заложена на берегу реки Яик, при слиянии с рекой Орью, откуда и возникло название губернии, «пристегнутая» к имени его будущей столицы: Орь+бург(город). Через некоторое время столицу губернии перенесли на 300 км западнее, а названия губернии и будущего города остались прежними. Место для будущего города подыскал мурза Кутлумухаммед Тавкелов, принятый на службу к царскому двору еще при Петре Первом. Затем он же

участвовал при строительстве этого города, а также крепостей и редутов, ямско-почтовых селений на дорогах, соединявших будущую столицу губернии с Уфой, Самарой и Казанью. Через Казань и Бугульму была проложена главная дорога – Московская.

Так возникло множество татарских поселений вдоль этих ямских дорог. Первоначально туда переселялись надежные люди – семьи «служилых татар», состоящих в основном из обнищавших мурз. А к концу того же века было дано разрешение и другим желающим переселиться в эти края. Мурзы Еникиевы и Терегуловы, когда-то обосновавшиеся в бывшем Касимовском ханстве, вблизи города Темникова, решили воспользоваться этим разрешением и купили земли у башкирских старшин в предгорьях Урала.

Вот как описывает эти события Амирхан ага: «Татары-мишари жили под самым носом у Москвы. После распада Золотой Орды попали в зависимость к Московскому княжеству. Отношение русских князей и царей к ним в разное время было разным. Чаще татары нужны были этому государству. Нужны были в войсках. Татарские мурзы сторожили границы, воевали во всех войнах. В том числе участвовали и во взятии Казани Московией...».

Предков А.Еники, впрочем, и других мурз из их ближайшего окружения, зовут еще «тюменами (төмән)». «В Золотой Орде тюмены состояли в войсках, которые делились на тысячи и десятки тысяч...», – пишет Амирхан ага. Правда, еще до образования Золотой Орды войска тюркских племен, возможно даже со скифских времен, состояли из десятков (современное отделение), сотен (рота, эскадрон), тысяч (полк) и десяти тысяч (тюмен, современная дивизия) единиц. Из истории известно, что когда-то Мон-

гольский курултай для завоевания западных от Волги территорий выделил хану Батыю три тюмени войск, т.е. современные три дивизии. Мурзы Еникиевы, Терегуловы, Кугушевы, Колончаковы и другие в период каких-либо походов или войн должны были эти сотни, тысячи воинов собрать с подчиненных себе селений (территорий) и доставить их на место сбора. То есть они были пожизненными воинами-офицерами, командирами в подчиненных себе территориях. По предположению А.Еники, а также некоторых историков, и название современного города Темникова связано со словом тюмен. Там, видимо, когда-то было место сбора одного из исторических тюменей периода Золотой Орды, а возможно, даже и Касимовского ханства. Да и в российской истории дворяне в основном были пожизненными воинами. Многие начинали служить в семейно-прикрепленных полках с 13–14 лет. Вспомним о семье дворян из бывших мурз Державиных. Вдовая мать Гавриила Державина, будущего известного поэта и чиновника Российской империи – Фекла Андреевна, чтобы пристроить сына на службу, ездила в далекую столицу несколько раз.

1

При ликвидации Касимовского ханства многие мурзы лишились дворянских привилегий. Позже, особыми указами царей, некоторым из них, доказавшим свое бывшее дворянство документально, дали возможность опять именоваться мурзами. Указом от 1690 г. в дворянское сословие была возвращена 61 семья мурз. И главы этих семей были назначены сотниками в местах своего проживания. В те годы уезды делились на сотни и такой муниципальной единицей руководил сотник.

В изданной в 1886 г. в С.-Петербурге справочной книге «История родов русского дворянства» приводится большой список возвращенных в это сословие лиц. Там значится и фамилия Еникиевых (1690). Помню, как-то при участии Наки Исанбета, Хасана Сарьяна и др. писателей возник разговор о том, что у татар нет имени «Еники». Предположили, что фамилия Еникиев, наверное, происходит от имени Янакая или Джаникая. С этими доводами и Амирхан ага согласился, но сказал: «Раз в указе царя было так написано – такое написание продолжится и в будущем».

Что пишут о роде Еникиевых и Терегуловых в энциклопедиях? Начало этого рода восходит к золотоордынскому беку (князю) Бихану. Впоследствии из рода этого бека вышли и некоторые ханы Касимовского ханства. Амирхан ага пишет, что Бихан был родоначальником и других мишарских мурз: Акчуриных, Кугушевых, Кутуевых, Колончаковых, Тенишевых и др. Кстати, мать известного русского писателя Александра Куприна также была из рода мурз Колончаковых. Жила с дворянскими почестями еще в конце XIX века.

Александр Куприн был очень почитаемым писателем Амирхана Еники. Он считал его в ряду своих кумиров – Галимджана Ибрагимова, Фатиха Амирхана и других... Но о том, что их связывает еще очень и очень дальнее родство, узнал только в конце семидесятых годов, когда об этом ему письменно сообщил один из ленинградских ученых.

* * *

Считается, что есть княжеский род Еникиевых, имеющих ближнее родство с беком Биханом, – это род, идущий по линии бека Тениша. Его

сына звали Еники. «Грамотой Ивана Грозного от 6 мая 1539 г. Темников был отдан (этому) князю Еникей бею»¹. Дальние же их родственники, перейдя в Русское государство, были признаны только простыми дворянами. Одним из правнуков Бихана звали Кульдяшем. Он тоже имел сына по имени Еники. Под 1629 г. зафиксировано, что этот Еники и его братья имели крепостных крестьян в окрестностях Темникова и в Кадомском уезде. Сам Еники имел поместье в селении Идей. Его сын Терегул (как считает Амирхан ага, измененный от татарского имени Турэкол), основатель фамилии Терегуловых, тоже имел своих крестьян в том же селе. Сколько у них было крепостных крестьян – в нашей энциклопедии это не зафиксировано. И дальние потомки этих мурз об этом не помнят.

С исторической точки зрения, интересны факты изменения политического и экономического положения татарских мурз-дворян в различные эпохи развития российской государственности.

В последние годы правления Петра Первого, во времена усиления повторного процесса христианизации населения России, не принявшие навязываемую религию татары лишались своих поместий и крестьян. Большинство потомков князя Бихана остались верными своей религии, но лишились сословных своих привилегий. Таким образом, они оказались «лапотными мурзами». Но несмотря на это, они всегда считали себя сословно выше, чем простые крестьяне. А после прихода к власти в 1762 г. царицы Екатерины II, уважительно прозванной татарами «Эби патша» («Бабушка царица»), положение мурз в России немного улучшилось. Правда, им старых поместий и крепостных крестьян не вернули. Но все равно стали относиться к ним луч-

ше, признавая их дворянское достоинство...

* * *

В 1773 г. потомки мурз Еникиевых, Терегуловых и из того же рода вышедшие Мамлеевы, Кильмаметовы и др., малоземельные к тому времени семьи, перебрались из родового села Идей (или Иди, как написано в воспоминаниях А.Еники) на целинные земли Заволжья. С ними была еще и семья муллы Янгуразова. По данным Амирхана ага, эта семья была из села с таким же названием Янгуразово Темниковского уезда. Мать Амирхана ага Бибихадича вышла из этого рода. Но ее отец Хабибрахман почему-то не пошел по стопам дедов, а стал простым крестьянином. А его отца – Габдурахмана хазрета – знал еще мальчишкой будущий писатель.

Вот родословная (шежере) Еникиевых, живших в Новой Каргале. Составлена она Нигметзяном ага, отцом писателя: Башар–Хасан–Ахтям–Ахметзян–Нигметзян. В селе Идей – на родине остался их прадед Хансуар. Большинство из них были крестьянами-середняками. Но время от времени занимались и торговыми делами. Например, Ахтям и Ахметзян весной и осенью покупали в окрестных селах шерсть и отправляли ее фабрикантам Акчуриным. Это стало возможным, наверное, после постройки железной дороги между городами Самарой и Уфой в конце 1870-х гг. Нигметзян рассказывал сыну, как они с отцом ездили по аулам и собирали шерсть.

Нигметзян родился в 1874 г. Рано женили его, «в то время не было ему и двадцати лет... Атакай был красавцем, среднего роста, подтянутый. Неплохо пел, играл на гармонии, лихо плясал... И в свои восемьдесят он держался прямо». Но им с Хадичой сначала не везло. Все родившиеся до Амирхана

дети умирали в младенческом возрасте. Выжили только Амирхан и его младший брат Илдархан.

У Нигметзяна были два брата, всю жизнь прожившие в Новой Каргале, и две младшие сестры – Рокыя и Сорур. О некоторых из них мы еще вспомним в дальнейшем.

* * *

Особой отличительной чертой мурз является их стремление получить достойное своему времени образование. Например, после снятия с должности попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого, запрещавшего принимать в гимназии и университеты лиц не христианского вероисповедания, за 15–16 лет, начиная с 1830 г., в Казанский университет было принято около двадцати пяти студентов-татар. И большинство из них были детьми мурз.

Из Каргалинского рода Еникиевых и Терегуловых тоже было много образованных людей. По какой причине, не знаю, но большинство Еникиевых прославились, в основном живя в Оренбурге. А известные личности из Терегуловых почему-то предпочитали Казань и Уфу. Вот известные казанские просветители и общественные деятели из Терегуловых. Ибрагим ага долгое время преподавал в Казанской учительской школе татар, был одним из инициаторов открытия Восточного клуба в Казани, где выступал и Тукай. Его сородич Абубакир учился на врача сначала в Казанском университете, потом в Германии. В Казани защитил докторскую диссертацию и стал известным профессором-терапевтом. Гумер Терегулов учился в той же Учительской школе вместе с Г.Исхаки, С.Максуди, Ф.Туктаровым. Стал одним из активных политических деятелей начала XX века, был делегатом Учредительного собрания,

в начале 1918 г. вошел в состав Милли Идарэ по решению Национального собрания татар.

Амирхан Еникиев, когда шестнадцатилетним парнем приехал в Казань учиться, с другом почти месяц жил в семье врача Абубакира Терегулова.

Из рода Еникиевых известны Гайса Еникиев, который окончил Оренбургскую учительскую школу (колледж), долгое время учительствовал в медресе «Хусаиния», был казначеем фонда купца Ахмеда Хусаинова, завещанного им для содержания медресе и других учебных заведений. Дважды избирался в Государственную Думу России. А Нигматулла Еникиев, после окончания оренбургского медресе «Хусаиния» в 1914 г., был сразу же призван в армию, участвовал в Гражданской войне, дослужился до звания бригадного комиссара Красной Армии.

В Оренбурге, а затем в Уфе жил Нигметзян Еникиев, увлекавшийся литературными переводами. Им были до революции переведены пьеса Н.В. Гоголя «Ревизор» и роман М. Горького «Мать».

2

Первый рассказ Амирхана Еникиева (псевдоним Амирхан Еники он принял позже) «Озын кәй тыңлаганда» («Слушая протяжную мелодию») был напечатан в 1926 г. в толстом литературном журнале «Безнең юл» («Наш путь»). Тогда ему только-только исполнилось семнадцать лет. Он только что в августе 1925 г. приехал в Казань из далекого полустепного края Западного Башкортостана – из Давлеканова².

Семья Еникиевых из четырех человек обосновалась в этом поселке с лета 1911 г., когда Амирхану было чуть более двух лет. Этот пристанционный поселок здесь был образован

у бывших небольших башкирских сел Давлетхан и Эткол (Һәеткол) лет сорок тому назад при строительстве так называемой Сибирской железной дороги, соединившей города Самару, Уфу и Челябинск. Об этом событии поэт Маджит Гафури позже напишет первую значимую свою поэму «Себер тимер юлы» («Сибирская железная дорога», 1904). Строительство дороги изменит этот край до неузнаваемости. Со всей России хлынут сюда дельцы и купцы разных мастей и разных национальностей. Скоро и поволжские немцы начнут осваивать эти земли: вдоль дороги появятся их хутора, на больших массивах они будут выращивать хлеб. На окраине Давлеканова построят свой посад и несколько крупных мельниц, работающих на паровых машинах (а жернова 4–5-этажного «Якоря» приводились в движение течением р. Демы). Большинство татар, прибывших сюда в лаптях из бедных заволжских земель, скоро переобуются в сапоги, заимев на Давлекановском базаре свои лавчонки. А мишарин из далекого заволжского села Оч Мунча, невзрачного вида Бурхан абзый, побыв немного времени приказчиком у кого-то, вскоре построит в центре этого Эткола двухэтажный кирпичный магазин и начнет торговлю красным товаром, завезенным сюда из обеих столиц России.

Сельчанину Новой Каргалы Белебеевского уезда Нигметзяну Еникиеву в момент переезда шел тридцать седьмой год. Пока он не имел здесь ни собственного жилья, ни своего торгового заведения, ни своей конторы. Жили они в нанятых на время домах. Правда, он подбирал для семьи добротные дома. И всегда имел в конюшне резвых коней. Нигметзян был пока занят посреднической торговлей – закупал в окрестных селах и хуторах шкуры и отправлял их или сам доставлял крупным заготовителям. Мечтал со

временем открыть свое собственное дело. Правда, в годы НЭПа эту мечту осуществил, но частично. С двумя компаньонами открыл он столовую при рынке. Но больших успехов не добились. Когда один из товарищей вышел из компании, дело развалилось. После этого Нигметзян более года был занят торговлей подержанной одеждой, которую привозил из Самарского оптового базара. Но для пятидесятилетнего человека это дело оказалось изнурительным. «Отца настоящим купцом здесь никто не считал, – пишет в своих воспоминаниях его сын. – Потому, что у него не было своего дома. А покупка дома была его главной мечтой. Дом мы купили позже... уже в смутное время. Видимо, кому-то необходимо было избавиться от лишнего добра... Дом стоял в середине главной улицы. Крыт был железом, имел два этажа. Туда мы въехали в начале июня 1918 г.»

По той же улице слева от них оказался дом самого богатого купца Давлеканова из татар – Бурхана абзый. Этот вытянутый вдоль улицы одноэтажный дом снаружи был неказистым. Но двор был просторный, с добротными сараями и амбарами из хороших бревен. «Во дворе бегал целый выводок нарядных, чистеньких ребятишек. На улице они не показывались, да и к себе никого не водили...». У соседей было трое ребят и пять девчонок. Правда, старший сын Галиулла тогда уже работал в конторе отца. А когда в поселке появились красные, он ушел с ними. Амирхан ага о дальнейшей судьбе детей соседа узнал поздно – уже после войны, встретив в Уфе соседа-одногодка Закарию.

В юности все сверстники и большинство знакомых, кроме родителей, звали Амирхана не удвоенным именем «правитель» (Амир + хан), а просто Амиром. После окончания местной семилетки часть его сверстников хо-

тели продолжить учебу в Уфе – в трех часах езды от Давлеканова на поезде. И родители Амирхана думали об этом же. Тем более что в том городе давно обосновались две младшие сестры отца: Рокья и Сорур. Муж Сорур, Шариф джизни, к тому времени был известным в Башкортостане человеком – работал в Народном комиссариате просвещения. Да и сама Сорур, учившаяся когда-то в Уфе и бывавшая в Петербурге, была не последним человеком в этом городе. Они иногда приезжали и в Давлеканово. Амирхан, чуточку повзрослев, гостил у них неделями. Но в последнюю поездку зимой 1924 г. почувствовал себя там стесненно. Отношение к нему со стороны родственников было прежним – его любили и уважали по-прежнему. Были рады его приезду и джизни (зять), и сестры отца, и особенно их дети – его племянники и племянницы. Но он чувствовал себя там неловко. Раньше семья Сорур тутакая (так звали младшими все женщины в селе Новая Каргала) жила более свободно и вольготно. Но после каких-то жизненных неурядиц Рокья вынуждена была переселиться со своими детьми в дом младшей сестры. Муж ее умер еще шесть-семь лет назад, почти в день свадьбы Сорур с Шарифом. Если бы Амирхан решил продолжить учебу в Уфе, то ему на какое-то время пришлось бы вселиться в эту тесноту. Он этого не хотел.

Вот как он сам описывает свое состояние: «Конечно, Уфа ближе и удобней для меня. Можно было остановиться у них, они же помогли бы устроиться куда-нибудь учиться. Думая об этом, я даже сумел выбраться среди лета под каким-то предлогом в Уфу. Там увидел, что джизни и Сорур тутакай опекают трех сирот Рокьи тутакай (впрочем, я знал об этом и раньше). Узнал, что из Каргалов к ним собирается приехать и Зулейха.

Если приеду еще и я, то нас наберется слишком много, для хозяев это будет чрезмерной нагрузкой – вот что я понял».

А возможно, главная причина заключалась даже не в этих неудобствах. Мог же он выбрать учебное заведение, где обещали бы ему место в общежитии. Но дело в том, что юношу давно манила радужная и далекая Казань. Город-мечта всех татар, разбросанных судьбой по всей России. Казань была для меня как бы святылицем, литературной Меккой, напишет он потом. Там жили и трудились корифеи татарской литературы Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов, Галиасгар Камал. Там издавались книги, печатались газеты и журналы на татарском языке. Там недавно жил и писал замечательные стихи всенародно любимый поэт Габдулла Тукай...

К счастью, именно в дни таких раздумий в руки Амирхана попадает газета из Казани с объявлением об открытии там нового учебного заведения – студии-школы по подготовке художников, скульпторов и архитекторов – «Архумас». Обещано было предоставление общежития и оплата стипендии. Амирхана обрадовало это объявление. Окрыленный, он сообщил родителям о своем желании поехать в Казань учиться. Мать боялась его куда-либо отпускать из дома – слишком молод. Только-только исполнилось шестнадцать лет. «Атакай же не боялся меня отпускать, потому что сам много ездил, видел всякие места. Но сначала и он сказал: «Лучше бы подождать годик...». Слезы, уговоры наконец-то сломили их сопротивление. Атакай сказал: «Ладно, сынок, поезжай, попытай свое счастье». Было условие – я должен найти себе попутчика».

Он долго уговаривал друзей поехать вместе в Казань. Но всех отпугивало то, что Казань находится

слишком далеко. Наконец, статью его попутчиком согласился Фатхельислам, в последние годы исполнявший обязанности пионервожатого в их школе. А зимними вечерами он подшивал людям валенки, подрабатывая себе и семье на хлеб. Он был года на три старше Амирхана. И был старшим сыном, почти основным кормильцем в семье после смерти отца в 1918 г. Они жили втроем с матерью недалеко от дома Еникиевых. Амира с Фатхельисламом сдружила любовь к литературе. Они оба читали запоем книги и журналы на родном языке, поступающие из Уфы и Казани. Фатхельислам тоже сумел уговорить мать, чтобы уехать учиться в Казань.

7 августа 1925 г. они вдвоем отправляются в дальнюю дорогу. Сначала на поезде добираются до Уфы. Переночевав в доме Сорур тутаяка, на следующий день с трудом достают билет на пароход, плывущий до Казани. В первую ночь устраиваются прямо на полу полутемного трюма двухпалубного малого парохода, курсирующего по Агидели. Но это их не смущает – дорога долгая, постепенно будут освобождаться и удобные лежаки, пока занятые дядьками и тетками с огромными багажами. На четвертый день они доберутся и до лучезарной в их воображении Казани.

Как описывает Амирхан Еники в автобиографическом произведении «Последняя книга» («Соңгы китап», 1987), после приезда в Казань он, как большой любитель литературы, стал посещать центральную национальную библиотеку в Старотатарской слободе. Он заочно знал многих писателей по их книгам и портретам. Однажды, увидев на улице в инвалидной коляске человека в пенсне, узнал в нем известного писателя, друга Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана. Коляску толкал какой-то маленький старичок. «О, аллах! Я замедлил шаги... Не сон ли

это? Я знал его произведения и видел портреты...», – напишет он об этой встрече. Потом еще раз встретит его в театре на повторной постановке первой татарской оперы «Сания» в январе 1926 г. А в апреле Фатих Амирхан покинет этот мир навсегда. В душе юного писателя останется чувство недовольства собой: «Ах, не посмел подойти к нему. Не поклонился...».

Естественно, юноша следил за известным писателем тогда только издали, не смея подойти поближе к корифею татарской литературы. Из современных, более-менее активных писателей он еще в Давлеканово выделил для себя имена поэта-бунтаря Хади Такташа, стихи которого он с увлечением читал в газетах и журналах. Эти современно звучащие стихи завораживали Амирхана. Книга поэта «Жир уллары трагедиясе...» («Трагедии сыновей земли...», 1923) лежала у него на столе. А сценическую трагедию бывшего молодого комиссара Гражданской войны и писателя Шамиля Усманова «Канлы көннәрдә» («Кровавые дни») молодежь Давлеканова поставила на сцене поселкового клуба. И Амирхан участвовал в этом спектакле, как и в большинстве других таких же постановок. Очень нравились ему и произведения молодых поэтов Кави Наджми и Аделя Кутуя. Их язвительные, с острым юмором стихи тоже хорошо запоминались.

А его главный кумир – Галимджан Ибрагимов – тоже, наверно, ходит по этим же улицам Казани. Они с Фатхельисламом со дня приезда в Казань мечтали встретить его и поглядеть хотя бы издали на большого мастера пера, автора обожаемого ими романа «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца») и множества великолепно написанных рассказов. А его известный роман «Безнең көннәр» («Наши дни») они с Фатхельисламом «проглотили» буквально перед самой по-

ездкой в Казань. Этот известный в татарском мире писатель и крупный общественный деятель, неоднократно встречавшийся с самим Лениным, был их земляком. Родное село писателя Султан-муратово находится всего-то километрах в тридцати пяти-сорока от их поселка Давлеканово. Стоит перейти воспетую в народных песнях и любимую ими реку Дему и с ближайшей вершины горы Ярыш-тау можно было бы разглядеть это большое село писателя. Приезжая на родину со стороны Уфы или Самары, Галимджан Ибрагимов всегда должен был сойти с поезда именно на их станции Давлеканово. О том, что он там останавливался раньше, имеются воспоминания современников. Маджит Гафури вспоминает, как они однажды встретились в буфете давлекановского вокзала. Об этом юноши читали. В тех же записях Маджит Гафури пишет, как они с группой товарищей часто приезжали на кумыс в село Курманкаево, находившееся за рекой Демой, прямо напротив Давлеканова. С ними несколько раз приезжал и поэт Сагит Рамиев, выходец из рода известных уральских золотопромышленников и правнук первого в этих краях официального ахуна Салима Рамиева... А кумысом близлежащие башкирские аулы славятся издавна!

В дни коротких в те годы отпусков из Уфы несколько раз приезжали и Сунчелеевы – любимые и почитаемые Амирханом джизни со своим братом-поэтом. Майский кумыс со свежей бараниной хорошо укрепляет истощенное тело городского жителя. А прозрачно-чистые воды Демы быстро освобождают организм от усталости. Конечно, Сунчелеевы сначала останавливались в Давлеканово у Еникиевых, два-три дня гостили у них. А вот с остальными знатными земляками Амирхану и его друзьям там встретиться не пришлось. Хотя они с ре-

бятами почти все лето и болтались на берегу той же Демы. И до противоположного берега не раз доплывали. И по улицам Курманкаево иногда приходилось пробегать. А вот известные писатели, приезжавшие туда попить кумыс, почему-то им не попадались. И Галимджан Ибрагимов, наверное, в эти сложные годы совсем на родину не ездил. Он, наверное, по государственным делам сейчас бывает только в Москве и Казани. В последние годы его приезд в Давлеканово не мог бы остаться незамеченным.

Но Амирхану пока не везло и здесь – в Казани. Живя в самом центре города, в общежитии школы «Архумас», ему еще ни разу не довелось увидеть своего знаменитого земляка. По имеющимся многочисленным фотографиям он его наверняка узнал бы издалека. И бывая в библиотеке «Шәрәкь китапханәсе» на улице Тукаевской, напротив медресе «Мухаммадия», он ко всем лицам присматривался, но знакомых лиц не замечал. Только в начале зимы друзья узнали, что писатели вечером каждой пятницы, оказывается, встречаются в Коммунистическом клубе, недалеко от их общежития. В ближайшую пятницу, в конце ноября, Амирхан с Фатхельисламом и с новым другом Муртазой Абдуллиным, земляком из Башкортостана, впервые попали туда, где встречались литераторы всех возрастов для коллективного чтения и обсуждения своих произведений и для ведения бесед о текущих делах...

К слову, с Муртазой, со скрипачом-любителем и будущим ведущим художником театра им. Г.Камала, Амирхан ага будет дружить до внешней его кончины летом 1946 г. И с Фатхельисламом они останутся неразлучными друзьями до конца его жизни – до шестидесятих годов. Комсомолец Фатхельислам Хакимов после успешного окончания Архумаса,

преобразованного в 1926 г. в художественно-педагогический техникум, закончит еще институт, защитит кандидатскую диссертацию. Перед самой войной его назначат ректором родного Казанского института инженеров коммунального хозяйства. А после войны этот институт начнет готовить инженеров-строителей и архитекторов. Под руководством Фатхельислама построят для этого института новые учебные корпуса на улице Зеленой.

Вспоминая друга юности, Амирхан ага пишет: «Сын грузчика, выросший сиротой, он был способным и развитым юношей. С детства любил читать, хорошо учился. Проявил себя трудолюбивым человеком... Наша с ним дружба не прерывалась... » А если и прерывалась, то только в годы отъезда А.Еники из Казани перед войной, или в годы войны, когда оба они воевали на разных участках фронта. А с пятидесятых годов их семьи жили на улице Достоевского, недалеко друг от друга.

Хочется еще кое-что добавить в связи с институтом инженеров коммунального хозяйства. Адель Кутуй в начале тридцатых годов был в опале после причисления его к то ли существовавшей, то ли несуществовавшей, признанной буржуазно-националистической организации «Джидеган». (Джиде означает семь. Но имя седьмого из этой якобы семерки до сих пор не обозначено.) Хотя его стихи, рассказы и статьи все еще печатались на страницах газет, брать его на штатную должность боялись. Он остался безработным. И тогда его приняли в этот институт преподавателем татарского языка. Одновременно он там числился еще секретарем какой-то комиссии...

Об этом иногда с горечью рассказывал нам Амирхан абый. И при этом напоминал, что в те годы оба они, как

происходившие из купеческой среды, подвергались таким, особо не заметным гонениям...

3

В Коммунистическом клубе (так тогда называли здание бывшего Дворянского собрания на площади Свободы) они действительно встретили многих писателей – заочно им знакомых и незнакомых вовсе. «Настоящие писатели» и любители художественной словесности ведут себя там свободно, галдят, туда-сюда ходят. Сначала один за одним встают и читают свои шедевры. А потом начинают между собой громогласно спорить, обсуждая их. Через месяца два и молодой Амирхан сближается с этой средой. «Вскоре я уже хорошо знал в лицо и Такташа, и Кутуя, и Кави Наджми, и Гумера Гали, и Хасана Туфана, и Тулумбайского, слышал их речи. Этих знаменитостей запомнить было нетрудно. Кроме них, немало было там молодежи, неизвестной пока читателю. Мне в первую очередь предстояло познакомиться с ними... Писателей более солидных, вроде Шамиля Усманова, Фатхи Бурнаша, Карима Амири, я здесь не встречал. Галимджан Ибрагимов, Фатих Сайфи-Казанлы, Карим Тинчурин тоже не показывались в комклубе ни разу... Мне нравился дух равенства в этом клубе».

Каждое заседание начиналось с чтения чьей-либо рукописи... «Поддавшись обаянию вольнодумия, я однажды тоже поднял руку, прося слова. Была у меня одна вещица, которую я начал писать в Даулякане, а закончил в Казани... Мне позволили говорить... Я встал и, держа рукопись в дрожащих руках, принялся быстро читать... Когда я закончил, все молчали... Только писатель Гумер Гали сказал: «Отдай-ка, братец, эти свои листочки мне». Я отдал, даже не подозревая, что он ра-

ботаает в журнале «Безнец юл»... Спусти какое-то время этот мой рассказ, сокращенный наполовину, был опубликован в мартовском номере журнала. Для меня это явилось полнейшей неожиданностью... Первый мой шаг, надо признаться, оказался самым легким. Дальше такое уж не повторилось ни разу... ».

* * *

Тяга к литературе жила в нем с детства. К тому были и свои причины. Мать – родом из семьи потомственных мулл. Естественно, в ее личном узелке, кроме чуточку потрепанного Корана в сафьяновой обложке, имелись еще кое-какие старинные книжки. А отец, средней руки купец уездного масштаба, тоже хотел, чтобы сыновья Амирхан и Илдархан выросли образованными. И часто из дальних поездок привозил детям в подарок книжечки. Поэтому Амирхан и его младший брат с детства прирастали к чтению. А папина сестра Сорур тутакэй, проучившись несколько лет в городе, вернулась в родное село Новую Каргалу учительницей земской школы, открытой в селе в конце XIX века. Правда, в то время семьи старшего Еникиева там уже не было, они к этому времени перебрались в станционный поселок Давлеканово, что находится в сорока километрах от их родного гнезда. А через год, в начале бурного 1917 г., Сорур вышла замуж за учителя той же школы Шарифа Сунчелеева – старшего брата известного к тому времени поэта Сагита Сунчелея. Сунчелеевы были родом из Саратовской губернии. До этого Шариф учился в Казани, в известной Учительской школе. Эта школа готовила учителей русского языка и литературы для национальных школ и медресе. Принимались туда четырнадцатипятилетние парни после успешного оконча-

ния средней ступени медресе. Начиная с восьмидесятых годов XIX века школа выпустила сотни учителей. Там учились многие видные деятели татарской литературы и культуры: Гаяз Исхаки, Садри Максуди, Фоат Туктаров, Шакир Мухамедьяров, Хусаин Ямашев, организатор первого татарского театра «Сайяр» Ильясбек Кудашев-Ашкадарский, Габдурахман Давлетшин-Хусаинов (в советские годы непризнанный писатель и издатель-меценат) – все являлись выпускниками этого передового колледжа. А младший брат Шарифа, поэт Сагит Сунчелей, считался близким другом и почитателем Г.Тукая. Братья Сунчелеевы увлекательно рассказывали о Казани, о своих встречах там со знаменитыми людьми.

Амирхан первоначально стеснялся общаться с новыми родственниками, потом привык к ним. В первые годы Сунчелеевы часто ездили в Давлеканово. Да и сами Еникиевы не забывали их. А с конца осени 1918 г., когда шли тяжелые бои между красными и белыми в районе Давлеканово, семья Еникиевых провела почти год в Уфе.

И до этого им во время боев дважды приходилось уезжать в дальние села, подальше от Давлеканова, оставив дом под присмотром родственницы отца Зейнаб с мужем. После того как белые однажды забрали у Нигметзяна любимого им жеребца, они с соседями решили в другой раз уехать еще дальше – в город за девяносто километров. Полагали, что в большом городе жить во время боев будет безопаснее. Таким образом, три соседние семьи – Бурхана абзый, мясника Гали и Нигметзяна, услышав осенью 1918 г. вдали первые залпы орудий, погнали свои повозки в сторону Уфы. И решили там подождать до окончательной победы одной из воюющих сторон. Осенью 1919 г., после трехкратного отступления, оконча-

тельную победу в окрестностях Уфы одержали красные.

Сначала Еникиевы недели две жили в уютном, но тесном доме нового зятя. А потом, при содействии Шарифа джизни, перебрались во временно пустующий дом известного общественного деятеля, бывшего депутата Государственной Думы Селимгирея Джантюрина. Потомок казахских ханов, он, как и Еникиевы, входил в дворянское общество Белебеевского уезда. С мурзой Нигметзяном они были немного знакомы – встречались на годовых дворянских собраниях. Встретившись в Уфе, его семье он разрешает временно жить в своем доме. Издали заметный двухэтажный дом его пока присматривали охранник Хайрутдин абзый и его семья. Они жили на первом, кирпичном этаже дома. Еникиевы устроились на втором, бревенчатом этаже с широким балконом. Большой зал пустовал. Семья самого мурзы проживала в это время недалеко от Уфы, в селе Килем, в своей усадьбе. Девятилетнему Амирхану этот дом запомнился только тем, что он был расположен на окраине, дальше от центра и от дома Сорур тутакая, ниже по склону тогдашней улицы Спасской. Недалеко, на пригорке, виднелась кафедральная мечеть на Тукаевской, называемая новыми соседями «мечетью муфтията». Протяжный азан муэдзина мечети был слышен издалека. Обычно по утрам голос муэдзина особенно приятно воспринимало ухо Амирхана. Он чувствовал себя летящим куда-то ввысь, как будто поднимался к какой-то заветной мечте. Обычно отец по утрам их для совершения намаза не будил. Пусть, мол, поспят немного...

Недалеко от этого добротного, окрашенного голубой краской дома мурзы Джантюрина находился обрывистый берег реки Агидель, куда братьям Еникиевым ходить одним не

разрешалось. Амирхан помнил только, как они всей семьей наблюдали ледоход на Агидели. Тогда весь берег был усыпан нарядно одетыми людьми с близлежащих улиц.

Юноша Амирхан и после этого случая бывал в Уфе, в гостях у старших Сунчелеевых. И первые стихотворные строки сочинил после одного такого их посещения в Уфе. Стихи были написаны по случаю смерти В.И.Ленина.

Это событие он описывает так: «Сорур тутакай и Шариф джизни пошли в кино. Мы, дети, остались дома. Но вскоре взволнованная Сорур тутакай возвращается домой и сообщает: «Дети, умер Ленин!..». На младших детей это сообщение почти не произвело впечатления. Он же, самый старший из всех, выслушал эту неожиданную весть с полным пониманием. «Надо сказать, имя Ленина было у всех на устах... Это большая утрата – вот, пожалуй, и все, что мы могли понять в эту минуту... Вскоре я вернулся в Даулякан... пошел в школу... Газеты пестрели статьями о Ленине... и стихами... В каждой школе был организован «Ленинский уголок», дети сами украшали его... И в нашей школе стихи сочинили и Мухаметгали, и Фатхельислам, а глядя на них – и я. Ведь я в ту пору был просто одержим творчеством, мог ли я не сочинить что-нибудь... Узнав о стихах товарищей, я тоже взялся за перо. Что получилось в результате моих стараний – теперь сказать трудно. Стихи не сохранились, даже название не удержалось в памяти... Эти стихи были первым моим литературным опытом...» («Страницы прошлого», перевод А.Бадюгиной.)

«До сих пор я еще ни разу не упоминал, что писательскую деятельность начал со стихов... Их было мало, и я рано понял, что поэт из меня никудышный. Примерно в это же вре-

мя отправил несколько своих стихов в журнал «Кечкенә иптәшләр», в Москву (возможно, и стихи о Ленине тоже). Если вы полистаете номера этого журнала за 1924–1925 гг., то в конце последней страницы одного из номеров найдете такую запись: Товарищу Амирхану Яникаефу. Хотя мысли у Вас есть, стихи все же серые и беспомощные...».

В те годы он много читал. Уже мечтал, что станет писателем... Серьезно увлекался творчеством. Дома, в углу, у него был свой столик, на нем лежала небольшая стопка книг. «Я каждый день садился за стол и пытался сочинять... Стихи у меня не получались. Для рассказов не находил темы. Не сочинить ли пьесу? Я представлял себе, как на заборах Даулякана появятся афиши с моим именем... Ого! К такой новости даже Хажар не сможет остаться равнодушной...».

Правда, и раньше его имя уже появлялось на заборах. Но тогда это были проделки друзей или недругов, сразу и не узнаешь, чьи усилия были больше – друзей или недругов. Но время от времени ему по вечерам приходилось уничтожать записи Амир+ Хажар или Хажар + Амир на заборах... Друзья знали, что он по уши влюблен в эту стройную, строгую, черноглазую девушку. Она редко появлялась на людях, мало общалась со сверстниками...

«Да, литература лишь усиливает тоску по любви... Я был влюблен в юную соседку Хажар... Любовь пробуждается в человеке раньше прочих чувств...». Он уже не прежний тощий мальчишка, каким был в год их совместной поездки в Уфу во время боев между белыми и красными. Стал плотнее, раздался в плечах, на лице играет румянец. И одет неплохо – на нем пиджак с бархатными отворотами, привезенный им с отцом из Самары... Учась в светской советской

школе, стал активнее участвовать в различных школьных мероприятиях и даже посещать местный клуб... Но Хажар на такие мероприятия почти не ходит. Видимо, строгий отец, а может быть, мачеха, не выпускают ее из дома. Но и при случайных встречах она старается не смотреть на Амирхана. Намного позже понял: не нравилась ей от того, что был влюблен!..».

Амирхану в ту пору было шестнадцать лет... В том же году они с Фатхельисламом уехали учиться в Казань... Он и там не переставал думать о Хажар. Он надеялся, что учеба в Казани должна была поднять его в ее глазах. Правда, в первый год ему пришлось бросить учебу и устроиться на работу посыльным в книжный магазин. Амирхан, как и другие ребята, а их было чуть более двадцати, успешно выполнил задачу по рисованию, прошел собеседование, поступил в студию-школу живописи, ваяния и архитектуры – Архумас. Но к концу октября вынужден был покинуть это учебное заведение. Из всей группы поступивших только ему тогда отказали выплачивать стипендию как сыну обеспеченных родителей. Он честно написал тогда в анкете, что отец занят торговыми делами, его семья принадлежит к сословию купцов. Но то было лишь начало, первое звено в цепи горестных испытаний.

В начальные годы НЭПа такие признания были еще обычным явлением. Выходцы из семей зажиточных крестьян и религиозных деятелей тогда еще не скрывали своего происхождения. Только со второй половины двадцатых годов, когда стали преследовать выходцев из этих сословий, люди станут скрывать свое происхождение. Начало такого тотального преследования Амирхан Еники относит к 1927–1928 гг.

«Я работал курьером в книжном магазине... Зато в «Безнең юл» был напе-

чтан мой первый рассказ... Сочинение слабое, зато сам журнал солидный, на его страницах печатались известные писатели тех лет... Летом следующего года я в новых брюках, новых ботинках приехал в Даулякан...».

Этим летом местная активная молодежь и учащиеся различных учебных заведений Казани и Уфы, приехавшие на каникулы, в поселковом клубе ставили спектакли, устраивали концерты. Вместе с Амирханом и Фатхельисламом из Казани приехал и Хабибрахман, студент медицинского факультета Казанского университета. Его старший брат Габдурахман преподавал им в школе татарскую литературу. Был любимым учителем обоих его спутников... Их отец, Гатаулла абзый, был из тех лапотников, которые в молодости приехали сюда полуголодными и стали здесь порядочными купцами. Он был родом из села Чиканас Арского уезда Казанской губернии...

И по подсказке земляка-студента они в тот раз из Казани в Давлеканово приехали намного быстрее, чем туда ехали. На поезде сначала поехали в сторону запада – до станции Рузаевки, и оттуда напрямик домой... Хабибрахман тоже был на три года старше Амирхана. Но после этой совместной поездки они также дружили до конца дней Хабибрахмана, умершего на несколько лет раньше своего земляка-писателя. Правда, неразлучными друзьями быть им не пришлось. Встречались они изредка. По окончании университета Хабибрахман до войны жил и работал в Крыму. В одно время, когда в Крыму лечился Галимджан Ибрагимов, был главным врачом одного из известных санаториев «Горное солнце». Всячески старался помочь больному писателю, и в этом элитном санатории он дважды лечил своего знаменитого земляка. Когда его друзья-земляки – Амирхан с Фатхельисламом – воевали на фрон-

те, он руководил военным госпиталем для пленных немцев, расположенным недалеко от г.Казани. После войны оказался в Подмосковье – долгое время возглавлял один из санаториев, обслуживающих партийных деятелей столицы.

В середине шестидесятых годов по поручению Амирхана ага Еники и мне, автору этих строк, пришлось бывать в доме Хабибрахмана абзый и его жены, крымчанки «Сара тутакай», в городе Звенигороде. В первый раз я отвозил им связку дневниковых тетрадей сестры Хабибрахмана, которые оченьгодились Амирхану ага при написании романа о Салихе Сайдашеве. Конечно, автор дневника не являлась прототипом Гуляндам. Но по ее записям можно было воспроизвести восприятие юной девушкой событий тех лет...

Во второй раз я, по пути в подмосковный Дом творчества писателей, заносил им только что изданную книгу Амирхана ага.

4

Вспоминается и такой эпизод, рассказанный Амирханом Еники молодым писателям в шестидесятых годах. И во второй приезд в Казань в августе 1926 г. Амирхану и Фатхельисламу не удалось близко пообщаться с Галимджаном Ибрагимовым. В то время он руководил Академическим центром при Народном комиссариате просвещения. Они увидели его дважды только издаലെка как участники каких-то мероприятий, сидя на галерке. Один такой случай произошел в большом зале здания, в котором находились и учебные классы татрабфака. Второй – в здании современного ТЮЗа на улице Островского. В обоих случаях Галимджан Ибрагимов сидел на сцене в окружении солидных, хорошо одетых людей и всегда рядом с их кумиром

сидел второй известный их земляк-писатель, народный комиссар просвещения Шагит Ахмадиев, ранее учившийся с Галимджаном в Уфимском медресе «Галия».

Это по их инициативе в двадцатых годах в Казани было открыто так много национальных учебных заведений. И по этой причине со всех концов страны татарская молодежь хлынула в Казань. Из этой когорты «молодых и отчаянных» вышли потом многие известные ученые: химик Гильм Камай, математик Хамид Муштари, а также более двух десятков блестящих поэтов и прозаиков, таких как Муса Джалиль и Асгат Айдар из далекого Оренбуржья, и будущий композитор Джаудат Файзи, родом из Оренбурга, который начал свой творческий путь в Казани как поэт. В Казани училась в те годы и большая группа башкортостанцев, ставших потом известными писателями: Мирсай Амир, Фатих Карим, Амирхан Еники, Гази Кашшаф. И Сагит Агиш, года полтора околачивавшийся здесь, потом стал ведущим башкирским писателем в Уфе. А юноша из Астрахани Габдурахман Аллахбирдеев, студент театрального техникума, станет скоро ближайшим другом Аделя Кутуя и его друзей. И под псевдонимом Габдурахмана Минского появится множество его статей и рассказов в молодежной газете «Кызыл яшьләр» и в журнале «Авыл яшьләре». Конечно же, много пишущей молодежи появится и из Казанской губернии. И самым ухватистым и активным из них окажется Фатих Хусни, в последующем близкий друг и коллега Амирхана Еники. Но в двадцатые годы они еще мало знали друг друга. Фатих Хусни тогда еще увлекался поэзией и писал созвучные времени индустриализации поэмы типа «Любовь среди машинного гула»...

Имена этих молодых людей замелькали на страницах газет и жур-

налов. Многие из них легко и смело вошли в татарскую литературу. «Конечно, они были талантливыми, но кроме таланта обладали, очевидно, старательностью и уверенностью в собственных силах... Существует и такое понятие, как везение...».

Амирхан в эти годы более всего увлекался поэтически возвышенной прозой, именуемой в официальной науке «поэтической прозой», или по-татарски – «насером». Вспоминая эти годы, он напишет: «Писал мало, печатался редко... И были это в основном мелкие вещицы... поэтически возвышенные. Это, по-видимому, объяснялось моей молодостью. Таких произведений я раньше много читал в журнале «Аң»³... Из моих вещей кое-что было напечатано в молодежной газете «Кызыл яшьләр» и в журнале «Безнең юл». Однако сочинения мои прошли (тогда) никем не замеченными. И в большом журнале их приняли, скорее всего, за «гладкий язык». «Языком ты владеешь», говорили мне».

5

В то лето 1926 г. молодежь Давлеканова с концертами и жаркими комсомольскими речами выступала и в окрестных селах. В эти села они выезжали часто. Там тоже им всем было интересно и весело. Местная молодежь встречала их с радостью. Амирхан почти во всех этих мероприятиях участвовал. Но около полумесяца провел у родственников – в семье двух родных братьев отца в селе Новая Каргала.

Приближалась осень. Амирхан еще раз хотел попытаться счастья в Казани. Правда, перед отъездом из Казани, весной, он получил на работе расчет, и сейчас его никто там не ждал. «Но я рвусь в Казань, без нее не мыслю теперь своей жизни. Меня тащит туда

моя судьба, чтобы до конца испил чашу страданий... Есть у меня, разумеется, и цель, в этом году я непременно должен поступить куда-нибудь учиться... И литературное мое будущее там... Я не собирался расставаться с этой мечтой. Но ведь без знаний и писать невозможно...

На этот раз из Давлеканова в Казань поехала большая группа молодежи – человек десять. Кто-то намеревался поступать на татрабфак, кто-то – в педтехникум. Кое-кому сразу же не повезло, они уехали обратно домой. Всех, кто остался в Казани, я хорошо знал. Мы все учились вместе в школе, вместе проводили вечера. Один только Казак Усман держался особняком». (Прозвище казак этот Усман получил, видимо, по причине происхождения из казачьего сословия. Когда-то входивших в это сословие башкир и татар было много в Башкортостане. Некоторые из них таким своим происхождением даже кичились. Амирхан ага о происхождении своего земляка не сообщает.)

Усман был старше своих земляков. Считался одним из старых комсомольцев поселка. И по своему положению, видимо, считал себя старшим. А потому относился к остальным чуть-чуть свысока... Мы мало знали друг о друге. Чутье подсказывало, что он недолюбливает меня... В Казани он поступил в совпартшколу. Он, являясь комсомольцем Даулякана, возможно, имел путевку туда...».

В те годы комсомольцам и лицам, имеющим правильное социальное происхождение, поступить на учебу было легче.

Амирхан Еникиев в этот приезд решил поступать на госрабфак при Казанском университете. Большинство же ребят выбрали татрабфак или педтехникум. Во всех этих учебных заведениях имелись общежития, обещали выплачивать стипендию. На этот раз

на руках Амирхана была справка о том, что отец его работает кустарем-одиночкой, по происхождению они – из деревни, из крестьянского рода.

И Амирхана сразу же принимают на госрабфак Казанского университета, куда он и хотел поступить. При выборе этого учебного заведения он, наверное, послушался совета своего старшего друга Хабибрахмана, студента университета. Госрабфаковцы обучались также в аудиториях университета. И это положение устраивало будущего корифея татарской литературы. Жили они недалеко от учебного заведения – в общежитии на улице Островского. И стипендию получали своевременно.

Единственное затруднение Амирхан испытывал от того, что большинство преподавателей вели здесь занятия на русском языке. А он ведь закончил татарскую школу. И дома, и с ребятами в поселке в основном разговаривали на родном языке. Но устраивало то, что преподаватели были здесь отменные, с большим преподавательским опытом. Они терпеливо и подробно старались объяснить уроки собранным со всех краев юным рабфаковцам. Откуда только ни приехали в Казань... татары и мишари: из Сибири, Оренбурга, Астрахани, Саратова, из Симбирска, Пензы... Много было земляков из Башкортостана, напишет он после, имея в виду учащихся всех средних учебных заведений Казани, включая и недавно открытый Татарский театральный техникум. Известно, что в те же годы из Ташкента приехал и двадцатилетний будущий композитор Латиф Хамиди. Он намеревался поступать в недавно открытый (преобразованный) Восточный музыкальный техникум. Но тогда его туда не приняли. Позднее он напишет, что среди преподавателей этого специально открытого для подготовки национальных кадров техникума не было

еще специалистов по подготовке национальных музыкантов.

Многие из приехавших в Казань также мечтали стать литераторами. «Дерзкие, независимые», они и в литературной жизни участвовали активно. На татрабфаке и в педтехникуме часто устраивались литературные вечера. Из бывших учащихся средних учебных заведений тех лет вышли известнейшие писатели: Муса Джалиль, Фатих Карим, Афзал Шамов, Риза Ишмуратов, Мирсай Амир, Фатих Хусни, Абдулла Алиш, Габдурахман Минский, Демьян Фатхи, Абдулла (Вил) Уразаев (после окончания татрабфака направленный на работу в Узбекистан, где он как автор и переводчик активно пропагандировал там татарскую литературу) и др. А «Мирсай Амир не ограничился сочинением рассказов. Вскоре с жаром включился в литературные дискуссии...».

Большинство литературных вечеров проходило в Большом актовом зале в здании татрабфака, на углу современных улиц Кремлевской и Лобачевского (современное здание филиала Академии наук Российской Федерации). Почти на каждом вечере присутствовали и выступали Х.Такташ, А.Кутуй, Х.Туфан, К.Наджми, а иногда и писатели старшего поколения: Фатхи Бурнаш, Фатих Сайфи-Казанлы и др. Часто посещают эти вечера и бойкие, любящие спорить не только по политическим, но и по литературным вопросам слушатели Коммунистического университета.

В месяц несколько раз проходили заседания кружка молодых писателей. И эти заседания часто посещают и опытные писатели, в том числе и неразлучная четверка такташевцев. Завсегдатаем этого кружка, а возможно, и организатором был учитель татарской литературы в одном из техникумов и известный тогда лите-

ратурный критик Хайрутдин Валиев. На заседаниях этого кружка Амирхан Еники сближается и с некоторыми будущими известными писателями. Только что приехавшие из различных мест Башкортостана Мирсай Амир и Фатих Карим активно включились тогда в литературную жизнь молодежи. Не менее активным был и Сагит Агиш, после нескольких лет обучения в оренбургском медресе «Хусаиния» и созданном на основе этого медресе Институте народного просвещения, прибывший в Казань попытаться счастья. И непоседа поэт Демьян Фатхи, после трех лет учебы в Самарском педагогическом техникуме, решивший продолжить образование на здешнем татрабфаке...

6

В Казани Амирхан окупился в жизнь студенческой молодежи.

Среди учившихся на госрабфаке и в самом университете, а также среди учащихся других учебных заведений были, конечно, и девочки. В достаточной степени бойкие, смелые из них участвовали и в литературных вечерах. А некоторые из них даже увлекались литературным творчеством. Зайнаб Баширова, например, поступившая на тот же госрабфак чуть раньше Амирхана, уже славилась хорошей поэтессой, выпустила сборник стихов, была своим человеком в окружении Такташа и Кутуя.

Да, занятия на госрабфаке занимали очень много времени. Он не любил и не желал отставать от других. Но пока у него не ладилось и с русской речью. Большинство его сокурсников оказались более подготовленными к учебе в этом учебном заведении. Многие мечтали сразу же поступить в университет, стать учеными или преподавателями. У Амирхана же такой мечты не было. У него перед глазами

маячили только известные мастера пера. Он мечтал пойти по их стопам. Написать какое-либо крупное, интересное произведение. Но как приступить к этому делу – он пока не знал. У него не было еще достаточных знаний и жизненного опыта.

Осуществлению этой мечты пока мешала и напряженная учеба. «Мои литературные успехи были скромными... Мешала и учеба. Занятий было много, учиться нелегко, а требования высокие... Мне никак нельзя было отставать в учебе...». Хорошо еще, что рядом был старший, более опытный в учебе товарищ. До поступления в университет Хабибрахман две зимы жил в уездном городе Белебеев и закончил там среднюю школу. Да и в университете уже две зимы проучился. В случае необходимости он всегда был готов прийти на помощь. Но Амирхан, из-за своей скромности и стеснительности, и из желания быть самостоятельным, к другу обращался очень редко.

7

Еще с начала лета 1927 г. у Амирхана было беспокойно на душе. Перед самым окончанием первого курса ему подсунули записку с угрозами, что его разоблачат обязательно. Записка была без подписи, но он догадался, что это дело рук Усмана Казака. Изредка встречаясь в городе, он всегда настороженно глядел на него, был недружелюбен. Правда, по отношению к Амирхану он, вроде бы, открыто особой враждебности не проявлял. Как всегда, среди ребят держался гордо, был высокомерен... Наверное, считал себя проводником новой жизни, идейным последователем революционных преобразований. «Да, революция продолжала наступление на старый мир... Ее цель состояла в том, чтобы путем уничтожения сословных классов построить новую жизнь... Я боялся ра-

зоблачений. Я ждал, что слушатель совпартшколы Усман когда-нибудь продемонстрирует свою «классовую бдительность». Прежде всего это касалось моего происхождения...», – напишет об этом периоде своей жизни Амирхан ага.

В те годы и дома, в Давлеканово, об этих изменениях в укладе жизни часто шли разговоры. Хотя большинство их сородичей были «мурзами в лаптях», обычными крестьянами, но и они пришли в уныние от того, что сословных людей повсюду унижали. Были случаи, когда членов Белебеевского дворянского собрания, то есть таких же мурз, как и Еникиевы, всенародно посрамляли. Известные мурзы Сыртлановы, например, подверглись тогда таким гонениям. А во второй половине двадцатых годов стали усиленно преследовать и купцов разных мастей, вплоть до хозяев маленьких лавчонок, обслуживаемых самими же содержателями.

Да, в те годы и Амирхана, только-только вступавшего во взрослую жизнь, терзали такого рода сомнения. Он боялся преследований, ждал, что его могут наказать по поводу его социального происхождения. Видимо, юное его воображение воспринимало происходящее вокруг таким образом. Он был чуточку мнительным, постоянно сомневающимся человеком. А можно сказать – и свехосторожным по натуре. Помню, осенью 1970 г. Союз писателей СССР выделил несколько путевок и нашим писателям для туристической поездки в Турцию. Обзвонили ведущих писателей, составили небольшой список желающих поехать, согласовали этот список с отделом культуры обкома КПСС и с другими организациями. В этот список был включен и Амирхан Еники. Он дал согласие, представил необходимые документы. Представленные заявления и документы уже были

заверены. И вдруг, перед самым отъездом, от поездки отказался Амирхан ага. Тогда он мне, готовившему эти документы, сообщил, что боится провокации. «До этого еще никого из татар в Турцию не выпускали. Здесь что-то неладно, наверное. Не будут ли они потом нас упрекать как националистов...». Примерно так он объяснил свой отказ. Аяз Гилязов, Хасан Сарьян и еще кто-то с удовольствием туда съездили тогда. Да, Амирхан ага был с юношеских лет очень и очень осторожным человеком...

Вернемся, однако, в двадцатые годы.

Вот как Амирхан ага вспоминает те времена: «Как правило, все начиналось с доносов... Чтобы выгнали с учебы, вполне достаточно было написать о ком-то, что он сын муллы или торговца. Проверкой никто себя не утруждал... В доносе можно было написать что угодно... А если навалилась на тебя такая беда, то уж никто тебе не поможет...».

Вскоре один из знакомых по школе парней сообщил ему, что Усман и его друзья готовят на Амира донос – собирают подписи...

Он насторожился. Дни каникул 1927 г. у Амирхана прошли вот с такими тревожными мыслями. Он знал, что в учебных заведениях Казани было уже несколько случаев исключения учащихся по таким доносам.

Обуреваемый такими сомнениями, он решает уехать из Давлеканова раньше других своих друзей...

В Казани Амирхан принимает окончательное решение: лучше уйти с госрабфака самому, пока не прогнали с позором. «Желание учиться во мне не угасло. И возраст позволял надеяться, что смогу еще поступить куда-нибудь. Необходимо было изменить социальное положение – устроиться на работу». К этой мысли его подтолкнули, конечно, и следующие события. Появились вербовщики, призыва-

ющие поехать учителями в Среднюю Азию. Амирхану сообщил об этом его знакомый Джалай. Он был готов туда поехать учительствовать. И его уговаривал поехать с ним. Сначала Амирхан сомневался – примут ли их, недоучек, учителями? Посетив коммисариат просвещения, убедились: примут. Оказывается, кроме Средней Азии и в других местах была такая же потребность.

Таким образом, Амирхан и Джалай в конце августа того же года оказались в Донбассе. Амирхана назначают учителем ликбеза в Буденновском шахтном управлении, где работало много выходцев из татар, не имеющих достаточного образования. А Джалай был направлен на другую шахту с такими же целями. Секретарем партийной организации в Буденновке оказался тоже их земляк – мишарин Шакиров. И с его помощью Амирхан легко приступил к своим обязанностям по ликвидации неграмотности среди шахтеров. Его устроили в одну украинскую семью на квартиру. Для занятий в трех шахтах этого управления отвели учебные комнаты и составили списки будущих учеников. «Учениками» Амирхана были в основном сезонные рабочие, только что приехавшие на заработки. Шахтеры трудились посменно, расписание учебы было подогнано под распорядок дня их работы. С утра он занимался с теми, кому надо было идти во вторую смену, а к концу дня – с освободившимися от первой смены. На каждой шахте вел занятия два дня в неделю. И времени для отдыха оставалось предостаточно. Здесь он заметно окреп и повзрослел. Был чуть выше среднего роста и крепкого, мускулистого телосложения. Поэтому казался старше своих восемнадцати лет. Благодаря начитанности был признан настоящим учителем. Это он чувствовал всем

своим нутром. Многие его уважали. Иногда, в дни каких-либо праздников или семейных торжеств, приглашали и в гости. Люди, приехавшие на заработки временно, с руководством не вступали ни в какие конфликты, воздерживались от употребления спиртных напитков. Амирхан эти различия в поведении приезжих и местных заметил в первые же месяцы проживания в шахтерском поселке.

«Жизнь моя устроилась вполне благополучно. Старшие звали меня «мугаллимом». Поездка в Донбасс была для меня во всех отношениях полезна. Впервые за эти годы я чувствовал себя спокойно. Моим происхождением никто не интересовался. И моя вечная стеснительность при общении со здешними людьми вроде бы чуточку отступила».

После окончания сезона его провожали домой дружно, тепло. И украинская семья, где он провел полгода, и сослуживцы несколько раз повторяли: «Приезжай еще... Осенью обязательно приезжай». Эти слова тоже придавали уверенности в себе.

Естественно, и материальное положение было у Амирхана более чем удовлетворительное. «Платили мне за часы и к концу месяца набегало рублей 90–100». Проживание в частной квартире с питанием в месяц стоило 25 рублей. Год тому назад учащиеся Архумаса получали 9 рублей стипендии, а он, работая курьером в магазине, – около 20 рублей. Действительно, зарплата шахтеров соответствовала их тяжелой работе. В те же годы в Донбассе, только на другой шахте, работал и будущий писатель Наби Даули. Он рассказывал, что в первые месяцы после полочки от радости они раскладывали пяти- или десятирублевыми купюрами полы в комнатах общежития и считали шагами, у кого сколько квадратных метров заработка получилось.

От этой поездки Амирхан получил большое удовольствие. В конце мая 1928 г., после отъезда «сезонных шахтеров» с работы, он вернулся в Давлеканово с богатыми подарками и с достаточной суммой денег, оставшихся после покупки себе обновки. И самое главное – с определенным опытом учителя. До войны этот опыт он использовал еще дважды: в Казани на курсах по переподготовке рабочих и в Узбекистане в школе.

Да, вернулся он из Донбасса с некоторой уверенностью в себе, в своих возможностях.

8

Дома его ждали с нетерпением. На этот раз он был от дома настолько далеко, что даже Нигметзян атакай плохо представлял, где он находился. Ехал он домой, пересаживаясь с поезда на поезд дважды – в Пензе и Самаре. Несколько дней Бибихадича анакай не отходила от него – потчевала и любимыми им блинами, и бялешами, и различными пирогами. Во дворе дома паслась корова, кудахтали куры, по вечерам стройным отрядом возвращались из поймы Демы гуси, обещая лакомые куски гусятины на зиму... Эта живность и небольшой заработок Нигметзяна были тогда достатком семьи. Илдархан пока учился. Нигметзян продолжал мастерить в своем сарайчике небольшие поделки – подставки для сковородок, кастрюлей и других надобностей. Кто их покупал, как отец ими распоряжался – Амирхан таких вопросов ему не задавал. Боялся растрогать «атакаю».

Он несколько дней неотлучно находился дома. Большинство друзей еще не приехали – до начала каникул было более полумесяца. А потому откладывались и шумные вечерние прогулки на лодках по Деме. Обычно мальчишки и девчонки, расположив-

шись на нескольких лодках, почти до полной темноты бороздили по этой реке вниз и вверх, распевая песни хором. Почти в каждой лодочке бывал и гармонист. Амирхану особенно нравилась полушуточная, полусерьезная песня «Жомга». Произнося «Соловейка, сообщи мне, где же моя возлюбленная», он всегда в воображении видел перед собой Хажар... А сейчас и Хажар не было в поселке.

Он знал, конечно, что в шумном хоре молодежи его голос был еле слышен. Он не умел петь. А отец и его брат Нигматулла, не успев сесть в подводку и не дожидаясь выезда за околицы села, обычно сразу же начинали петь какую-либо протяжную татарскую или башкирскую песню. Амирхан, затаив дыхание, слушал их. Да, он был лишен таланта певца. Но зато был большим любителем слушать! Ему и украинские песни пришлись по душе. Своей протяжностью они часто напоминали ему татарские народные напевы...

Честно говоря, в эти дни в Давлеканово он и не стремился встречаться с кем-либо из своих знакомых. Избегал расспросов о своей жизни, об учебе. Зато в домашней тишине работалось легко. Он завершил здесь начатый в Донбассе большой очерк из шахтерской жизни. Куда, кому послать этот материал? Или лучше самому поехать в Казань? В последние дни мучили его эти вопросы. Решил – не спеша, сделав остановку в Уфе, поехать в Казань. К его приезду освободятся комнаты в общежитиях, большинство знакомых разъедутся по домам (ему не хотелось со многими из них встречаться). В Казани он решит, как ему поступать дальше: учиться или работать.

Тем более, что в редакции журнала «Безнен юл» находилась рукопись его рассказа, законченного еще в прошлом году. И вот сюрприз, в первые же дни приезда в Казань узнал, что его рассказ «Вақытсыз сұлды» («Угас без-

временно») уже был напечатан. Первым об этом сообщил ему поэт Сагит Сунчелей. Сказал: «Хороший рассказ. Продолжай писать...». Такой же добрый отзыв он услышал и от уважаемого им писателя Садри Джалия. Как преподаватель татрабфака и автор знаменитой повести «На берегах Демы» (их Демы!), этот писатель был духовно близок Амирхану. Встретившись в редакции газеты «Кызыл Татарстан», Садри абзый тепло отозвался о моем рассказе, – напишет он потом.

Несмотря на то, что раньше несколько его лирических сочинений было напечатано в молодежной газете, очерк о шахтерах он отдал редакции «Кызыл Татарстан». И тому причиной явился его давний знакомый, бывший библиотекарь, а ныне журналист Габдулхай Хабиб. Если помните, Габдулхай уже помог ему в год первого его приезда в Казань, когда он был лишен стипендии. Это он предложил ему устроиться курьером в книжный магазин. О таких знакомствах Амирхан ага пишет: «Я не решаюсь подойти к человеку, если не чувствую с его стороны некоторого интереса к себе. И вообще, трудно схожусь с людьми...». Да, тогда, когда он не знал что делать, к кому обратиться, Габдулхай первым начал беседу с ним. Узнав о его бедственном положении, принялся помогать ему.

И сейчас, приняв его очерк и расспросив о делах, он посоветовал ему сотрудничать с редакцией «Кызыл Татарстан» – быть внештатным корреспондентом. И ему сразу же дали задание: побывать на строительстве крупной меховой фабрики на окраине Казани. Скоро намечалось открытие этой фабрики. Необходимо было познакомиться с людьми, быть на дне открытия. Написать обо всем этом вот такой же хороший очерк...

Амирхан Еникиев принимает это предложение. В ближайшие же дни отправляется в дальний конец города – до

этого незнакомого ему поселка Новая Слобода. Трамваи еще туда не ходили. Он несколько раз обошел этот уголок Казани. Участвовал и в торжественном открытии фабрики. Потом еще раз ходил по цехам, был и в новом общежитии. Тогда все это ему понравилось. А в сентябре один за одним вышли два номера газеты с его очерками: «Яна гудок» («Новый гудок»), посвященный открытию новой фабрики. А чуть позже и «Кара күмер илләрэндә» («В стране черного угля») – о жизни шахтеров. А потом были еще различные небольшие заметки, зарисовки, выполненные по заданию редакции.

Знакомство с этой фабрикой сыграло важную роль в жизни будущего писателя. Вскоре он решается поступить туда на работу. Ему предоставляют место в общежитии в центре города. Сначала принимают учетчи-

ком мехового цеха. Пройдя несколько ступеней, он завершает здесь свою карьеру в должности начальника Бюро изобретательства и рационализации.

Было ему тогда чуть более двадцати двух лет. На этой фабрике он проработал более пяти лет, больше, чем где-либо. Через два года на этой же фабрике получил направление на учебу в Институт научной организации труда. Учился он чуть более года с сохранением прежней зарплаты. Да, без отрыва от производства их учили, как организовать труд рабочих на местах, как их этому обучать. А после этого еще более года состоял он в штате данного института, не отойдя от своей фабрики, как инструктор-организатор рабочего места меховщика.

Спустя годы, возвратясь к событиям тех лет, он напишет известную повесть «Вөждан» («Совесть»), 1968).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Татарская энциклопедия, т.2, стр. 355.

² В моем тексте название поселка пишется по официальной записи. В текстах А. Еники – как было принято среди татарского населения.

³ Журнал издавался в Казани в 1912–1918 гг.

Аннотация

Статья посвящена лауреату Государственной премии Татарстана им. Г.Тукая, народному писателю Амирхану Нигметзяновичу Еникиеву. Видный прозаик, автор известных рассказов, повестей и романа о юношеских годах композитора Салиха Сайдашева «Гуляндам». А.Н.Еники участник войны, автор интересной повести о военных годах «И мы воевали», десятков рассказов, таких как «Маковый цветок», «Только на час», «Песня любви» и др. Род Еникиевых идет из мурз, выходцев из Золотой Орды и Касимовского ханства.

Ключевые слова: классик татарской литературы, Амирхан Еники, народный писатель.

Summary

The article is devoted to the winner of the State Prize of the Republic of Tatarstan in the name of G. Tukay, national writer Amirkhan Nigmatzyanovich Enikiev. He was a prominent writer, the author of famous short stories, narratives and novels about the early years of the composer Salikh Saidashev «Gulyandam». A.N. Eniki was a war veteran, the author of the interesting story about the war years called «And we fought», dozens of short stories, such as «Poppy Flower», «Only for an hour», «Love Song», etc. A number of Enikiev ideas were from murzas, natives of the Golden Horde and Kasimovsky Khanate.

Keywords: classic Tatar literature, Amirkhan Eniki, national writer.